

Андрей Мансуров

**«Пипец этой вашей Омерике, или
линия фронта проходит... Везде!»**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мансуров А. А.

«Пипец этой вашей Омерике, или линия фронта проходит...
Везде!» / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Третья мировая война переросла в странную четвёртую - "гибридную". Ведущую роль в ней играют не бомбы, ракеты, самолёты и атомные подлодки, а - СМИ. И ещё - новейшие компьютерные разработки, позволяющие "обрабатывать" население противника через всемирную Сеть, и даже интернет-игры. Престижу страны, претендующей на роль непогрешимого Светоча и оплота демократии, и пытающейся диктовать остальным странам свою волю, нанесён колоссальный ущерб. Впрочем, припёртый к стене враг, всё ещё располагающий огромными материальными ресурсами, не гнушается и старыми методами: банальными диверсиями, провокациями, и бактериологическими атаками на крупные города... Однако объединённые силы Альянса, включающего несколько передовых и густонаселённых стран, к любому действию противника - готовы! И учёные этих стран разработали и нечто такое, что врагу и не снилось!..

Мансуров Андрей.

Пипец этой вашей Омерике, или линия фронта проходит... Везде!

(Пародия на стандартные гиперпатриотические поделки)

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Ближневосточные рубежи.

Рахим завершил намаз традиционно: земным поклоном и тяжким вздохом.

Вот очередной трудовой день и начался. Пора подниматься с колен и обходить участок.

Со стоном он оторвал тощие коленки от протёртой до дыр циновки. Потёр болящую поясницу – прохладно тут по утрам: высокогорье всё-таки... Ладно, плевать на застарелый радикулит и слабость: идти надо!

Участок Рахима, собственно, не был большим. Но присмотра требовал постоянного: то повитель-кускута нападёт на тщательно оберегаемые им растения, обвивая хрупкие стебли вначале нежно, а затем – словно удавкой, жёлтыми усиками, и стремясь выпить все, столь ценные, соки, то несколько десятков самцов саранчи вдруг откуда-то прилетят. Хотя откуда здесь, на укрытом со всех сторон горными хребтами, и почти изолированном от ветров плато, саранча – он ума не мог приложить!.. Но отлично понимал: там, где сегодня не снял с побегов пару десятков, завтра будет – две тысячи прожорливых тварей!

Выйдя из халупы, что заменяла ему дом, он потянулся: солнце только-только взошло: всё верно, будильник разбудил его на намаз вовремя! Теперь – обход. Натощак. Если Аллаху милостивому и милосердному будет угодно – до восьми он обход закончит, а там можно и позавтракать. Плевать на то, что кусок иссохшей лепёшки приходится размачивать жиденьким зелёным чаем: у него ещё остался кусок шмали примерно с палец: если пососать её, чувство голода пропадает. И хотя он отлично понимает, что это чувство – ложной сытости, и телу для работы нужно что-нибудь посущественней, пока он здесь, на этой работе, приставлен к этому полю, можно и потерпеть.

Потому что сезон скоро закончится, и с ним расплатятся. И можно будет вернуться домой, и там какое-то время просто – лежать и отдыхать. Отъедаться... А ещё...

Можно будет купить сынишке новый, престижный, мобильник, а семье на зиму – мешок риса и мешок маша. До следующей весны, когда начнётся новый сезон, должно хватить.

А где же ещё зарабатывать мужчине-афгонцу летом, как не на опийных плантациях?!

Почёсывая давно невытый тощий зад в хлопчатобумажных шароварах, Рахим двинулся по чуть заметной тропке вверх – к границе участка. Вот он: единственный путь к его плантации. И не пройдёт и пары дней, как он не будет здесь в одиночестве: второй навес, сделанный, как и над его халупой, из полусгнивших и иссохших под солнцем до белизны, палок-жердей, крытых сверху таким же полусгнившим рубероидом, уже ждёт.

Ждёт сезончиков: бедолаг, вооружённых специальными ножичками для нарезания рисок-надрезов на головках с добрый кулак, и соскребания выступившего сока в контейнеры.

Опиум-сырец здесь, в глухой провинции Саннах, катастрофически дешёв, конечно. Но поскольку омерикосы повезли буквально тысячи тонн реагентов, и понастроили в пещерах настоящих цехов по переработке, не нужно больше далеко возить огромные и тяжёлые тюки на осликах. Потому что упаковки героина ровно в десять раз легче. Не говоря уж о том, что места занимают куда меньше... А ведь раньше были времена, когда сырец добывали целыми семьями – кланами. Чистили липкую и вонючую массу, упаковывали. И даже ставили собственное клеймо на тару с товаром: знак гарантии качества!

Сейчас с этим проще. На качество «первичного» сырья перерабатывающим лабораториям если не совсем плевать, то где-то близко. На их работе это никак не сказывается. А если травяного мусора, и пыли-грязи в товаре окажется больше положенного, эти с-суки просто снизят закупочную цену.

И попробуй им возрази...

Рахим дошёл до границы участка: вот она, чётко обозначена насыпной землёй за невысокой стенкой из кусков сланца. Но...

ЧТО ЭТО?!!!

Почему над стеной не виден ни один стебель?!

Куда они все делись – сочно-зелёные побеги с уже начинающими наливаться головками на концах?! Неужели...

Ночью был сильный ветер и их прибило к земле?

На участок забрались какие-нибудь вредители, и подъели корни?!

Приходили конкуренты и покосили всё?!

Обуреваемый сотнями опасений и страхом от предстоящего неминуемого наказания, если виновен в недогляде, Рахим с трепещущим, словно у зайца, сердцем, сам не заметил как пролетел оставшиеся шаги, и...

И застыл, поднявшись на гребень стены.

Всё. Конец его мечтам о деньгах за работу. И плевать, что он добросовестно и скрупулёзно делал всё, что положено: деньги платят только за ухоженное и живое, дающее молочно-тягучий сок, поле.

А здесь несчастный голубой мак умер. Убит.

Насыпное поле неправильной формы сплошь покрывали пожухлые и покоричневевшие остатки стеблей: то, что осталось от отлично ухоженной и надёжно упрятанной в дебрях гор, плантации. Все полёгшие стебли уже начали разлагаться, и приторно-сладкий запах не позволял усомниться: всё кончено! С этого участка получить опий-сырец не удастся. И не только в этом сезоне, но и три-четыре следующих.

Пока зимние снега и дожди, и свирепое здесь, на высоте двух километров, солнце, и ветра не уничтожат, превратив в безобидные отходы, даже следы проклятого изобретения русских – гербицида «Би – 259»... Разработанного, по слухам, как раз – исключительно против мака. Голубого опийного мака.

Рука сама собой потянулась к переговорному устройству: чем раньше он сообщит хозяевам, тем раньше освободится от этой... Работы.

Может, ещё удастся пристроиться к каравану, уходящему за продуктами в Исламубад: там, говорят, нужны рабочие руки на новом заводе по производству удобрений...

Мейсснер раздражённо взглянул на красный аппарат: телефон, конечно, тут – то ещё «ретро», будь оно неладно! Хотя аппарат как раз ни в чём не виноват.

Не успел он плеснуть себе новую порцию виски с содовой, проклятая пластиковая коробка затрещала снова!

Ну, от кого он сегодня ещё не получал ...здюлей?!

– Да?

– Это Парсонс.

Мейсснер как-то сразу почувствовал, как лёгкое головокружение и расслабление, принесённое огненным напитком, проходит, и голова становится кристально ясной и отлично соображающей. При осознании, что ему звонит лично советник по всей ближневосточной Зоне, заставили остатки здравого соображения в голову как-то быстро...

И эти остатки принуждали внимательно вслушаться в треск аналоговой старинной линии связи. Проложенной, пусть по древнему коаксиальному кабелю, зато – надёжно гарантирующей от прослушки со спутников или беспилотников: под землёй!

– Здесь Мейсснер, мистер Парсонс. Я... Вас слушаю.

– Нет, Мейсснер, это я – вас слушаю. Внимательно.

То, что шеф не назвал его «мистером» – понятно. Резидент шестёрка вроде него и в грош не ставит. Но вот что рассказывать... И – какими словами?! А придётся. Иначе...

Досрочное списание. Отставка. И – гарантированный «волчий билет».

А это значит – до конца жизни влачить унижительное существование на пособие!

– Да, сэр. Есть докладывать. Сегодня в пять четырнадцать мне доложили о гибели посевов на плантации расположенной на участке... – Мейсснер, утирая пот с лица и шеи уже посеребрившим за утро платком, автоматически называл координаты, пытаясь в то же время сообразить – как объяснить промашку! Как могло случиться, что следящие системы не выявили ничего потенциально опасного: ни радары, ни датчики движения, ни визуальный контроль не обнаружили ни малейших признаков того, или – тех аппаратов, или людей, которые могли бы повернуть такую сложную и трудоёмкую операцию, как обработка дефолиантами целого района! – А в пять двадцать восемь доложили о такой же ситуации в районе Зет-девять, координаты...

– Не нужно. Я знаю где расположен район Зет-девять. Дальше.

– Да, сэр... В шесть ноль три доложили... – Мейсснер уже не скрываясь, схватил бутылку, и отпил прямо из горлышка: плевать, что подумает начальство! Он чуял, что если не промочит горло прямо сейчас, не сможет продолжить: оно пересохло так, что каждое слово драло нёбо, словно раскалённый песок, а низ живота сводила судорога: будто кто-то волосатой ледяной рукой стискивал его пах и мошонку!..

Но через пару минут он смог собраться и доложить обо всех сигналах с мест, и рассказал о «принятых мерах»: хотя какие, к чертям собачьим, тут можно принять меры: подохшие растения не оживишь! А новые, если даже перепахать всё и засеять снова – не вырастут! Во-первых, уже потеряна влага, оставшаяся от зимних снегов и весенних дождей. А во-вторых – тщательно охраняемые и даже удобряемые участки потеряны на минимум на три-четыре года. Пока проклятый реактив не разложится от «естественных» природных факторов!

– Значит, разослали наблюдателей проверить... А что – были сомнения, что сторожа и обслуживающий персонал на местах могут ошибаться?

Мейсснер отлично понимал, что брякни он глупость типа «Да, сэр! Были!», тут же получит по-полной: зачем принимал на «работу» некомпетентный персонал?!

Поэтому он выдал:

– Нет, сэр. Сомневаться в правдивости их донесений оснований не было. Я просто... Э-э... Хотел, чтоб мои люди на месте оценили *реальный* масштаб... Ущерб.

– И что? Они оценили?

– Да! Да, сэр... Ущерб практически близок к ста процентам. И большая часть растений уже... начала разлагаться. И стала... Абсолютно непригодной.

– Так. – Мейсснер услышал что-то вроде барабанной дроби. Он слышал от коллег о привычке шефа барабанить мотивчик «Звёзды и ленты» ногтями по полированной крышке рабочего стола, расположенного в удобной кондиционированной огромной комнате: кабинете в резиденции в Джайпуре, – Ясно.

Возникла пауза, во время которой Мейсснер забыл даже о том, что нужно дышать: ну как же! Решается его, да, наверняка и остальных лоханувшихся «советников», основной обязанностью которых как раз и являлись охрана и присмотр за изготовлением сырца, судьба!

Наконец в трубке раздался спокойный и нарочито нейтральный голос:

– Оставайтесь пока на месте. Ничего не предпринимайте до новых распоряжений.

– Ясно, сэр. Слушаюсь, сэр.

Шеф даже не соизволил дослушать или попрощаться – в трубке заикали весьма гнусенькие гудки отбоя. Мейсснер трясущейся рукой положил трубку на аппарат: осторожно, словно она могла его укусить.

Пока не укусила. Вот именно – пока!..

Но задница его чуяла: перебросят его теперь в какую-нибудь Оляску, или вообще – в Онтарктиду к пингвинам! И разжалуют – это уж как пить дать.

И придётся оставшиеся до пенсии годы мёрзнуть на сорокаградусном морозе по девять месяцев в году, да проклинать чёртовых русских, и...

Он схватил вспотевшей ладонью скользкое горлышко, и влил остатки виски в глотку, ощущая, как огненная жидкость обжигает горло и пищевод...

Проклятые твари.

Как они сами-то пьют свою водку без содовой?!..

Парсонс воспользовался для внепланового отчёта защищённой линией Посольства. Для чего ему пришлось подняться из подвала, пройти через весь огромный особняк, и снова спуститься: на второй подземный уровень.

Генерал слушал его доклад, как показалось резиденту, рассеянno и вполуха: даже с кем-то переговаривался в кабинете, иногда явно отдавая трубку от головы.

И, что самое странное, разгона и бури, которых Парсонс ожидал, не последовало.

Вместо них прозвучала странная фраза:

– Я уже в курсе произошедшего. Прикажите своим людям пока оставаться на местах.

– Слушаю, сэр. Уже сделано.

– Хорошо. Ждите распоряжений.

– Да, генерал, сэр.

Генерал поступил как и сам Парсонс: не стал терять время на банальное прощание.

Трубку с сигналами отбоя резидент положил уже почти спокойно. Генерал сказал...

А что он, собственно, сказал?

Он сказал, что *уже* в курсе. Значит, есть независимая информация о произведённых противником «враждебных и агрессивных» действиях. Впрочем, это только их ведомство так эти действия характеризует. Потому что сволочные политики глупо про...рали в долбанном УОН-е, и их страну вынудили подписать ...раную конвенцию о борьбе с производством наркотиков. И наркотрафиком.

Так что официально их страна должна восторженно аплодировать тому, кто провёл столь эффективную операцию, и громко кричать о том, как они рады!..

Стало быть, источником может быть или доклад из другой резидентуры, которая обнаружила нападение на подотчётные территории раньше, или... Или данные пришли со спутников и беспилотников.

Полковник закрыл глаза. В сознании сразу возникла картинка, которую он однажды почти случайно в аппаратной...

На фоне жёлто-коричневых и серо-стальных горных хребтов, и затянутых белёсо-туманной дымкой лошин, парит чёрная точка. При укрупнении превращающаяся в крест. Неравноплечий, необычный на вид. И весьма страшный для того, кто в курсе его колоссальных огневых возможностей.

Беспилотник «Глобэл-хок эйч пи» в размахе крыльев больше, чем ширина бейсбольного поля, но отсюда, из пучин космоса – смотрится крохотным безвредным макетом. Подвешенным на нейлоновой нити где-то над глобусом. Собственно, и у русских их «Ястреб» – лишь на пару метров поменьше в размахе закамуфлированных крыльев...

Нетрудно представить, как такой, взлетевший незадолго до полуночи, монстр, за каких-то три часа преодолевает две тысячи км от базы в Бешкике, и достигнув расчётной точки, выпускает из расколовшегося брюха несколько десятков дронов, управляемых наземными операторами, сидящими в бункере под Чарджуу. После этого не пройдёт и пары часов, как все вычисленные противником давным-давно с той же орбиты, или с беспилотников, плантации, окажутся обработаны! Распылить пару литров реагента на площадь даже с Богдад – не проблема! А новый Би-259 *необычайно* эффективен! И после него мак, и прочие опиумсодержащие растения не всходят на обработанной земле до пяти лет!..

Дроны-распылители пусть и не столь быстры, как выпустивший их «Ястреб», но – за два-три часа, пока не взойдёт солнце, и сторожа не обнаружат диверсию, успеют убраться с территории Афганистана. А противнику только этого и надо!

Чтоб не осталось следов.

Собственно, даже если б следы и остались, ничего особо страшного для врагов не произошло бы: во-первых, на всех деталях дронов стоит клеймо «сделано в Кхатае» – сам Парсонс не присутствовал при разборке единственного попавшего в руки отдела технических новинок образца, разбившегося в предгорьях Пакистана, заряд самоподрыва которого почему-то не сработал, но видел фотографии и чертежи: умное и практичное устройство! Ещё бы – россияне других не делают! А китайцы отмажутся традиционно: «мало ли кто не использует в своих аппаратах их дешёвых и надёжных деталей!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.